

Критика 70-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. С. Ф. Дмитренко.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

OCR Бычков М. Н.

<...> Поэтическая деятельность г. Некрасова так тесно сплелась с судьбами петербургской журналистики, что ее нельзя рассматривать вне этой связи. Выступив на литературное поприще в одно время с возникновением нового журнального направления, он до такой степени точно сообразовал свою поэзию с этим направлением, что нередко стихи его служили только рифмованным перифразом журнальных статей и постоянно -- отголоском журнальных требований. Услужливость г. Некрасова в этом отношении не имеет пределов: перебирая пять томов его стихотворений¹, можно проследить по ним весь ход нашей журналистики. Возникло, например, в сороковых годах требование народности, и г. Некрасов написал своего "Огородника" и "В дороге" как раз в том самом духе и направлении, как понимали народность в петербургских редакционных кружках. Правда, эта народность очень походила на петербургского ряженого троечника, в плисовой поддевке и шляпе с петушьим пером, насвистывающего трактирную песню; но наши литературные кружки, и в особенности кружок Белинского, только и понимали народность в этом ряженом виде, в каком она являлась у столичных quasi-ямщиков и у Палкинских² половых прежнего времени. Настоящая, неряженная русская жизнь оставалась всегда чуждою нашим петербургским наблюдателям: они понимали в ней только бахвальство дворового слуги и ухарство *питерщика*. Г. Некрасов, заимствовавший свое чувство народности из петербургских журналов, естественно, должен был положить на нее тот самый отпечаток, с каким она являлась в народолюбивом сознании людей, наблюдавших ее у Палкина и под балаганами: русский простолудин предстал в стихах г. Некрасова в красной рубахе, с серебряною серьгой в одном ухе, "круглолиц, белолиц, кудри -- чесаный лен"³, в плисовых шароварах и с гармоникой в руках. Впоследствии, когда знание и понимание народности сделало успехи в самой петербургской журналистике, когда точка зрения на народность в ней переменялась, и вместо ухарства и бахвальства стали замечать в народной русской жизни лохмотья, нищету, тяжкое бремя чернорабочего труда, в мнимонародной поэзии г. Некрасова явились другие краски. Вслед за журналистами он увидел нищету и лохмотья, кумачовая рубашка сменилась рубищем, трактирная песня -- стоном бурлаков, тянувших лямку. Но вдохновение опять шло не из непосредственного наблюдения жизни, а из журнальных статей и потому опять звучало фальшиво; действительные черты народного духа, какие указывал, например, г. Достоевский в "Записках из Мертвого дома" или Андрей Печерский⁴, остались не замеченными г. Некрасовым, хотя у него есть стихотворения, прямо навеянные "Записками из Мертвого дома". Фальшивость происходила оттого, что почерпнутые у г. Достоевского мотивы г. Некрасов проводил сквозь горнило воззрений редакции "Современника", изменял точку зрения, и в этом процессе перегорали краски, полученные из непосредственного художественного наблюдения. Впрочем, поддельность народной поэзии г. Некрасова так очевидна, что излишне распространяться об этом предмете.

Гораздо любопытнее взглянуть, как отразилось в стихах нашего поэта то движение социальных идей, которое с половины сороковых годов составляет внутреннее содержание петербургской журналистики. Мы видели, что критика, просмотревшая социальное и историческое значение нашей художественной поэзии послепушкинского периода и заметив только ее внешнее содержание, ее темы, посвященные любви, женщине, красоте, осудила эту поэзию во имя общественных и гражданских идей. Осудив содержание, она осудила также и форму, в художественной виртуозности которой она видела негу звуков, не гармониовавшую с теми новыми темами, которые журналистика претендовала внести в поэзию. Журнализм потребовал от поэтов суровых песней, суровых образов, которые воплотили бы в себе борьбу человечества за социальные права, в которых звучали бы отголоски страданий, стоны пролетариев, задавленных социальным неравенством. Насколько все это было применимо к русской жизни, вне специальных условий крепостного права -- журналистика не рассуждала. Выйдя сама из условий чужой жизни, она поставила своею задачею отыскать во что бы то ни стало аналогические условия в русских порядках и так или иначе ввести русскую жизнь в социальное движение, вне которого наш журнализм не умел найти для себя содержания. Явилось требование, чтобы наша поэзия служила отголоском этой борьбы, чтоб она забыла "песни любви и лени". Новая поэзия должна была нарядиться в